

Записки счастливого человека

Мы пришли вместе — я и новый кинокомплекс. Трёхэтажное здание кинокомплекса было первой новостройкой Новосибирской студии телевидения, а я — последним представителем знаменитого «орского десанта», который неожиданно обрушился на Новосибирск. Немногом ранее меня из Орска приехали Лиля Галкина, Дима Кормаков, Наташа Постная и Алла Пуговкина.

...Кинокомплекс тогда напоминал дом перед новосельем — в него вносили коробки, ящики, кофры, из него выносили строительный мусор.

Поднимаюсь на крыльцо, вхожу в стеклянные двери... и тут же на меня стремительно налетает энергичный мужчина и заводит в кинозал, где в полутьме сидят люди, идут какие-то разговоры, споры. Тот самый человек, который так лихо «похитил» меня в коридоре, выходит к экрану и... открывает какой-то всесоюзный семинар по детскому кино. Недолго говорит, а потом представляет свой очередной фильм, фильм Новосибирской студии телевидения «Физика в забавах». Так я познакомился с Леонидом Сикоруком. Уж не знаю, за кого он меня принял, скорее всего, увидел незнакомого человека и решил, что я к нему, на семинар. Фильм меня потряс. Потряс главным образом тем, что я понял, что нахожусь среди людей, которые могут снимать такие фильмы. Когда закончился просмотр, я, не дожидаясь света, тихонечко вышел из зала и пошел искать на третьем этаже Аркадия Владимировича Зельманова. Как мне сказали, от него зависело, буду я работать в кино или нет.

Разговаривал со мной Зельманов минуты полторы. За эти 90 секунд я понял главное — если я захочу, я буду здесь работать. А захотеть надо было очень сильно — Новосибирск был закрытым городом, и прописаться в нем вот так вот, с бухты-баракты, было нельзя. На помощь ринулась орская диаспора — Лиля Галкина предложила своих друзей, у кого я

могу прописаться, Дима Кормаков пустил к себе пожить в крохотную комнатку, которую он только что получил.

Тогда после двух месяцев мытарств я всё-таки устроился на работу. Приняли дежурным электрослесарем рафинировочного цеха Новосибирского оловокомбината и по совместительству — ассистентом кинооператора Главной редакции кинопроизводства. Конечно же, все свободное от комбината время я проводил на студии, постигая азы кино. Сильно помогло то, что работа была посменная, а из-за вредности металлургического процесса смена длилась всего шесть часов. Так что времени для студии оставалось много.

На студии работал, понятное дело, не ассистентом (какому оператору нужен помощник, который свободен только полдня), а осветителем. Первая картина, на которую я попал, была... «Физика». И самое главное, что я усвоил на этом фильме, что в кино не бывает слова «нет». Когда на студию привезли огромный мультстанок, а помещение для него оказалось на втором этаже, стало ясно, что обычным способом это чудовище занести в комнату нельзя. Быстренько было расширено окно, поставлены мощные полозья, и ящик прямо с улицы по этим полозьям вкатили и поставили туда, куда надо!

Мое старание не пропало даром. Уже к концу 72-го года Зельманов заставил меня уйти с комбината и срочно отправил в экспедицию на север Томской области с редактором Виктором Ватолиным и оператором Леонидом Казавчинским. Проблема с пропиской в это время уже была решена, а вот бросать работу на оловокомбинате (уволиться по закону я не успевал) грозило статьей КЗОТа. Но Аркадий Владимирович меня успокоил: «Кого это на студии будет волновать?!» Так я официально стал полноправным ассистентом кинооператора и за какие-то два года объездил с Казавчинским полстраны: Сахалин

и Якутия, Ямал и Курилы, Чукотка и Таймыр...

Важно отметить один характерный факт: в кинокомплексе не было плохих людей, не приживались они там. И ведь не скажешь, что такие не приходили. Приходили, но как-то очень быстро они пропадали. Кинокомплекс был нашим Домом. Это Дом, который построил Зельманов! У него в кабинете стоял цветной телевизор — редкость по тем временам. И совершенно спокойно можно было ночью встретить в этом кабинете человек двадцать любителей хоккея, которые приходили поболеть за нашу сборную на чемпионате мира.

Как-то меня попросили заменить на съемке заболевшего ассистента, и я попал на площадку художественного фильма режиссера Вадима Гнедкова «Ночной сеанс». Съемка была очень короткой, снимался один-единственный план. Но на этой съемке я встретился с Сергеем Чавчавадзе. Я счастливый человек, мне всегда везло на людей, с которыми я встречался. Пусть простят меня те, кого я не упомянул, все они приняли участие в моем становлении. Но два человека — Аркадий Владимирович Зельманов и Сергей Давидович Чавчавадзе — занимают в моей судьбе особое место. Первый из них — как отец родной, второй — Учитель с большой буквы. Первый давал работу, пробивал квартиру, присваивал категории, второй учил Кино! Я работал с Сергеем на всех его последующих документальных фильмах. Мы вместе проплыли почти весь Иртыш, мерзли с овцебыками в 50-градусный мороз на речке Бикада-Нгуома, что на Таймыре, кочевали с оленеводами-нганасанами по фактории Новая.

Да и мой первый операторский фильм «Главный приток Оби» «достался» мне от Сергея. Его срочно перебрасывали на уходящую натуру новой картины — и он настоял, чтобы фильм доснимал я, его ассистент. Случай для

«Новосибирсктелефильма», по-моему, беспрецедентный.

И еще я работал ассистентом оператора на всех игровых фильмах, которые снимали Вадим Гнедков и Сергей Чавчавадзе. Сергей был замечательным педагогом (недаром сейчас он занимается этим напрямую, преподает операторское мастерство) — он никогда не ругал за ошибки, которые, конечно, случались. Но совершенно не мог простить повторения этой ошибки. Однажды на съемке очень сложного эпизода в фильме «Пассажир» — с рельсами и телегой, с многократным переводом фокуса и трансфокатора — я дернул ручкой объектива и угробил 30-метровый план. Втянув голову в плечи, ожидал кары небесной, грома и молний, увольнения и немедленного расстрела перед строем. Но услышал совершенно спокойный голос шефа: «Вада, давай еще дублик, мы тут немного напортачили...» Ах, дорогого стоило это «мы»!

Оттого, что вспоминается только хорошее, можно подумать, что мы жили и работали в каких-то парниковых условиях, в обстановке, близкой к идеальной. Наверное, нет. Но когда, уже после смерти А.В. Зельманова, в 90-е годы на студии возникла ситуация, в которой киношникам выжить можно было, только имея беспринципно крепкие зубы и острые когти, мы, скажем так, без боя сложили свои штативы, потому что умели только снимать кино. А на телевидении тогда наступало время, когда на первый план выдвигалось что-то совсем другое. И мы ушли со студии. Но я абсолютно уверен: будь жив Аркадий Владимирович, сейчас бы «Новосибирсктелефильм» был одной из лучших фильмопроизводящих студий России со своей обработкой Кодака и Фуджи, с мощным парком техники и первоклассными цехами...

***

Недавно в наш двор, старый питерский двор с классической стеной-брандмауэром, поздним вечером въехала

кавалькада машин, из которых стали выгружать кофры, штативы, осветительные приборы... Наш дом стал «натурой» для очередного сериала. Я вышел во двор. Дольщики укладывали рельсы, осветители расставляли приборы, ассистенты ставили камеру. Сердце сжала ностальгия. Но вдруг что-то меня встревожило, даже не сразу понял, что именно. Что-то было не так. Конечно, я не имел в виду фонари Dedolight и видеокамеру HD, невесомые рельсы и чудо-кран. Что-то было еще, что меня насторожило. Я понял, что это было, когда пересчитал людей на площадке — их оказалось около 70 человек! Снимался один кадр: вбегание в подъезд девушки. Началась репетиция, режиссер никак не вмешивался в ее процесс, он утопал в подписанном кресле. Две девочки подавали ему кофе и сигареты. Перед ним стоял монитор, на котором в ночи искрилась потрясающая по качеству картинка. Часа через полтора режиссеру всё надоело, он объявил 30-минутный перерыв. Потом началась съемка. После каждого дубля (а их было какое-то несметное количество) режиссер говорил: «Стоп! Еще дубль!», через паузу, не вынимая тела из кресла: «Мотор!» — и закуривал очередную сигарету, захлебывая ее глотком кофе. Все «как в кино»!

Часа в 4 утра съемка закончилась. Режиссер, оператор и актриса уехали сразу же. Остальные гужевались часов до шести. Ностальгия прошла — я вспомнил, как мы такую работу делали минут за 40, снимая с огромными ДИГаами стареньким «Конвасом» на шосткинскую пленку «Свема», и на площадке находились всего-то человек 10-12. Но это было так давно.

Геннадий СЕДОВ,
кинооператор Новосибирской
студии телевидения
с 1972 по 1995 гг.

Санкт-Петербург